

Ролан БЫКОВ:

Бинт на чужую рану

Моск. правда. - 1998 - 20 окт. - с. 14

ОН ЖИЛ ГДЕ-ТО РЯДОМ

Владимир ПРИХОДЬКО

Зацепя, до которой «водит мама два прицепа», то есть трамвайный поезд из трех вагонов, - родина Быкова. Это уже будучи популярным актером он получил жилье на московском Севере. А детство прошло в зацепском доме с коридорной системой, где в 20-е годы была ночлежка. С первого этажа, из пекарни поднимался дразнящий дух свежей выпечки. Пол был теплый. Улица накатывала волнами нервного шума. Рядом вокзал, рядом рынок. Пестрая толча, рвань, пьянь. Попрошайки, поножовщина. Как тощему, большеголовому Оливеру Твисту спрятать неуверенность, страх? Подражая урке, свистнуть в два пальца, чтоб вздрогнули соседи. С понтом задеть других, чтоб не задели тебя. Стать первым, чтоб не сделали последним.

Надеть маску. Притвориться. Забраться на ходули. Скорчить рожу. Сказать цветисто-смешное. С выкрутасом.

Всем скучно. Все хотят зрелищ.

Здесь зачинался угловатый, непокладистый норов. Здесь усваивал подросток - не скажешь, что бессознательно - манеры, жесты, повадки скомороха, которого сыграл годы спустя у Тарковского в «Андрее Рублеве». Персонажи Зацепы - и уголовный малек Перец из «Педагогической поэмы» и пародийный пахан Бармалей из «Айболита-66».

С детства мечтал стать артистом. Записался в театральный кружок. У него, по свидетельству А. Митты, «была стойкая репутация воспитанного, интеллигентного парня и, кроме того, гения...» Сохранилась фотка 1943 года: 14-летний Ролан в этюде «Тайна». В группе из четырех мальчиков самый маленький. И самый выразительный.

Окончил Щукинское. Восемь лет работал на сцене ТЮЗа, играл то зайца, то поросенка. То отличника, то хулигана. Потом организовал студенческий театр МГУ - без необходимой для такого начинания санкции («ЦК решит, что это МК, в МК подумают, что ЦК комсомола...») - и полтора года сражался за каждую постановку; все показались дерзкими, ломающими устои, разрушающими мораль.

В 1959-м Алексей Баталов, режиссер-дебютант, пригласил Быкова на роль Акакия Акакиевича Башмакина в свою «Шинель». И многие поняли, что он из той же редкой породы, что и Чарльз Спенсер Чаплин.

Еще Быков мечтал стать музыкантом. Однажды его поразил звук флейты. Это был инструмент духового оркестра. Звук остался - в ушах? в душе? Надолго. На всю жизнь.

«Бей, барабан, и, военная флейта, громко свищи на манер снегиря» - на смерть маршала Жукова написал Иосиф Бродский, восстанавливая в нашей памяти державинский реквием Суворову. Любимые стихи Быкова. «В смерть уезжает пламенный Жуков».

Я эти стихи прошептал, провозая в последний путь Ролана Антоновича.

Военные музыканты возникли в финале фильма «Чучело», звездного творения Быкова-режиссера. Очень молодые. Флейта, труба, валторна. Замелькали быстрые палочки барабанов. Многозвучный марш уверял на своем языке, что травля «чужачки»-школьницы не типичное: у нас у каждого - без национальных и прочих мелочных различий - есть родина. Есть заступники. Общие идеализированные Суворовы и идеализированные Жуковы. Готовые за нас на подвиг.

Верил ли в это режиссер? Или сделал уступку цензуре?

Новодевичье. Траурный марш. В смерть уезжает пламенный Быков.

Он мечтал также стать ученым. Стать учителем. Эти мечты сбылись. Не все в виде профессии, но это не важно, заметил он. Как учитель жизни, Быков более всего презирал ханжество. Был убежден: ханжество и отсутствие идеала не просто ближайшие родственники. По сути это одно и то же. Ханжа потому и ханжа, что уважает не идеал, а его видимость, сокрытие греха. Ханжу устраивает любой грех, лишь бы был тайным. Девиз - ложь во спасение. Но спасение мнимое, на деле - это гибель, духовная смерть.

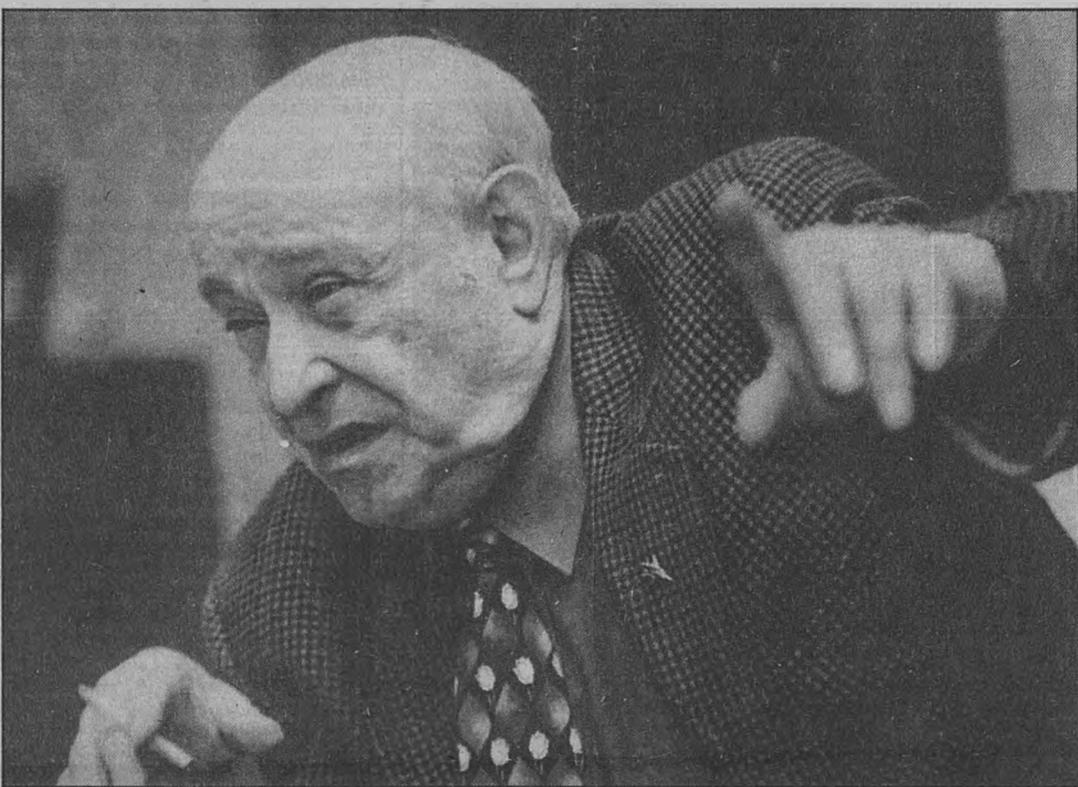
Проблема стояла для Быкова очень остро, ему постоянно мешали изображать то, что считалось неудобным. Мол, дурной пример заразителен. Не поймут. При этом использовался арсенал советской патриотической фразеологии. Быков знал: это особое *служебное ханжество* - видимость рвения за государственное дело, к которому ты равнодушен. Повторял слова Достоевского: «Они будут проповедовать народное просвещение, презирая народ, учить патриотизму, презирая Россию, исповедовать гуманизм, будучи человеконенавистниками. И не просто будет отличить истинных пророков от приживальщиков при великих идеях, ибо слова их будут похожи во всем, до мелочей, как पोхожа восковая фигура на живого человека. Народ, общество, либеральные ли, патриотические ли идеи - для них только средство собственного самоутверждения, цель же и единственная цель - одна: власть собственного ущемленного самолюбия над людскими душами. И притом тираническая власть. Беспрекословная и безусловная». Актуальное вчера, сегодня, завтра.

А знаете вы, что всю жизнь Быков писал стихи? С самого раннего детства. Лет в десять был уверен: станет поэтом. Это, по его словам, не мешало мечте скакать на лошади в развевающейся бурке. На подвиг.

Может, на тот самый: защитить всех без разбора? И умереть героем.

Он горько плакал, представляя, как лежит на земле со смертельной раной в груди. Но тут... происходит чудо, он остается жить.

Он издал свои стихи. Не все.

Только написанные в 80-е годы. С признанием: если б не стихи, не смог бы снять и отстоять «Чучело».

Это была эпопея. Долгая война с Госкино. На главного редактора Госкино Даля Орлова он сочинил такую эпиграмму: «Не мни, Орлов, что ты, мол, даль, / Ведь это, право, чушь, / Хоть мне тебя порою жаль, / Но ты не даль, а глушь».

«Меня обвиняли бог весть в чем, - вспоминал Быков, - предлагали посадить, требовали запрещения фильма. Каждый день возвращался я домой раздавленным, убитым, желая только одного - чтоб все это кончилось. По старой привычке к дневнику я писал стихи, и они спасли меня - я выдержал». Стихи разделены по циклам. Зеленая тетрадь, коричневая, красная, черная, снова зеленая, снова черная. «Тетрадь розовая в цветочек». Написал на обложке не «Ролан Быков. Стихи», а «Стихи Ролана Быкова», то есть признал, что он, лицедей, не создал свою художественную материю в рифмованном слове, что это *ad marginem*, на полях. Для внутреннего потребления. Поскромничал?

*Покуда пролетарии всех стран
К объединенью странному
стремились,
Бездарности всех стран
объединились
В сплоченный мир бандитов
и мещан.
Бездарность лютая идет
по белу свету -
Спасенья нету!*

*Бог не сможет -
Черт поможет,
Оттого и душу гложет,
Оттого потом тоска
И могильная доска.*

*(...) Я на чужую боль и рану
Ложусь, как бинт,
А сам иду, как только встану,
В свой лабиринт.*

*... Иду дорогою поэта,
Хожу-брожу.
И знаю, что дороги нету.
А нахожу (...)*

*(...) Наши души - как старухи.
Как давно пустые ножи,
Наши духи - только слухи,
Наши демоны ничтожны.
Нам ничто святое слово,
И для нас на самом деле
Воскресение Христово
Только сладкий день недели,
Наша честь - сплошные дыры,
Износились идеалы,
И от слова «кум» - кумиры,
И от слова «бак» - бокалы.
И от слова «друг» - предатель,
И от слова «вдруг» -*

*предатель,
И от слова «иск» - искатель,
И от слова «писк» - писатель.
Оборотень - образ мира,
Оборотень - образ века,
Образ нового кумира,
Образ античеловека.*

Книгу, из которой выписываю стихи, он подарил Анне Сергеевой: в качестве корреспондента «Пионерской правды» она, шестнадцатилетняя, пришла на его встречу с детьми. Сейчас Анне восемнадцать. Она вспоминает: «Встреча называлась «Детский голос беды и войны». Быков с ребятами разговаривал серьезно, повзрослому. «Не дойдет до вашего сознания, в подсознании застрянет». Рассказал, как одна женщина ездил в Чечню по пропуску с его подписью. И всюду пускали. Он размышлял, как сложится мое будущее газетчика».

На книге написано: «Анечка! Дай Вам Бог не желтеть! Ролан Быков 21.III. 97».

Его роли всенародно известны. От крохоток, вроде «гипнотизированного» в фильме Шпаликова-Данелия «Я шагаю по Москве» до поистине народного русского характера у Германа в «Проверке

на дорогах» (ждал зрителя с 1972 по 1986). До еврея Хаима Магазиника в «Комиссаре», снятом Аскольдовым по рассказу Гроссмана «В городе Бердичеве» (провалился на полке с 1967 по 1988).

А писатель Бенедикт Сарнов поведал о ролях несыгранных. Дунский, Фрид и Митта задумали «на Быкова» фильм «Гори, гори, моя звезда». На его острое обаяние, на его психофизическую тему. Так в искусстве случается. Отсняли половину или даже три четверти картины. И вдруг Леонид Ильич Брежнев на каком-то кинопоказе промямлил, что у американцев красивые герои и героини, а мы хуже, что ли?... И Быкова из картины изъяли.

В другой раз у него была возможность сыграть самую гениальную роль. Леонид Зорин перекроил в сценарий свою пьесу «Медная бабушка» (статуэтка, которую Пушкин получил в приданое за Натали и хотел продать в трудных обстоятельствах). Пушкина репетировал Быков. Разразился скандал. Старики-мхатовцы бесновались, кричали, что Пушкин - красавец и Быков играть великого поэта не может. Начальство и так сомневалось, а тут дрогнуло. Роль Пушкина досталась актеру, которому - по его данным - уместней было бы стать Дантесом.

- Все вышло, - вздохнул Сарнов, - как в старинной притче. Появилось железо, деревья спросили Господа: не угрожает ли это им. Не волнуйтесь, сказал Господь. Не случится дурного, если не дадите дерева на топорище. Вот так и артисты - помогли начальству в его разрушительной работе.

... Богата земля талантами. Родятся новые гении. Ролан Быков не придет никогда.

